

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016

MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016

МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:
взгляды с разных сторон11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ*Каганович Б. С.*

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ*Парамонова М. Ю.*

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523

Г. А. Попова

«Свято место пусто не бывает»?
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
(ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, VIII–XIII ВВ.)

Пространство, в котором совершаются религиозные обряды, безусловно, является неотъемлемой частью образа религии, который складывается у чужаков, не принадлежащих к «общине верных» того или иного исповедания. Отношение к этому пространству всегда демонстрирует и уровень общих знаний о ритуале иноверцев, и степень враждебности и заинтересованности или индифферентности. На Пиренейском полуострове после мусульманского вторжения в 711 г. из североафриканской провинции Арабского халифата начинается длительный период тесного соседства и взаимоотношений христиан и мусульман, когда складывалась и развивалась совершенно особая социокультурная ситуация постоянного контакта на уровне повседневных практик в любой сфере деятельности. В историографии своеобразие этой ситуации уже много десятилетий описывается в рамках концепта *convivencia*. Это понятие чаще всего переводится на русский язык как сосуществование, однако точнее было бы говорить о совместной жизни или добрососедстве, ибо слово имеет определенный оценочный оттенок: так обозначаются близкие дружественные отношения. Именно по этой причине концепт *convivencia* подвергся на рубеже нового столетия критике и переосмыслению¹. Не вдаваясь здесь в детали историографических дискуссий, отмечу лишь, что он сохранился в национальной испанской историографии как один из основополагающих для изучения средневековой

¹ Подробнее анализ историографической дискуссии см.: Попова Г. А. В поисках исторической реальности: некоторые тенденции в медиевистике Испании // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 266–283.

истории². И как пример *convivencia* рассматривают превращения зданий церквей в мечети и обратную трансформацию. Длительное время подразумевалось, что преемственность в пространственной локализации мечетей и церквей, т. е. зданий, предназначенных для отправления культа, сама по себе убедительно свидетельствует о культурном симбиозе и даже синтезе. Однако более пристальный анализ процесса трансформаций и его осмысления говорит о том, что трактовка этих фактов должна быть более осторожной.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРВАЯ: ИЗ ЦЕРКВИ В МЕЧЕТЬ

Письменные известия о первых мечетях, появившихся на Пиренейском полуострове после мусульманского завоевания, повествуют о том, как они были основаны в местах, свободных от построек, — это мечети в Альхесирасе, Сарагосе, мечеть Умайя в Кордове³.

Собственно описаний разрушения церквей или превращения их в мечети в арабских текстах, близких по времени написания к эпохе завоевания, не встречается. Сведения о судьбе христианских храмов в первые два столетия истории Аль-Андалуса крайне скудны и происходят из сочинений X–XI вв.

Автор X в. Ибн аль-Кутийя, рассказывая о заговоре 716 г. против наместника Аль-Андалуса Абд ал-Азиза, упоминает, что убийство «произошло в мечети Рубина, которая находилась в пригороде Севиллы; он (Абд ал-Азиз — Г. П.) жил в церкви Рубина со своей женой из готов Умм 'Ашим; рядом с этой церковью была построена мечеть, в которой он был умерщвлен»⁴. Где именно находилась эта постройка, неизвестно; считается, что храм был посвящен свв. Юсте

² Вот лишь некоторые работы, вышедшие в последнее десятилетие, в которых используется концепт *convivencia*: Salvador Martínez H. *Convivencia en la España del siglo XIII. Perspectivas alfonsíes*. Madrid, 2006; Lowney Ch. *Un mundo desaparecido. La convivencia de musulmanes, cristianos y judíos en la España del siglo XIII*. Buenos Aires, 2007; Fuente Pérez M.J. *Identidad y convivencia. Musulmanas y judías en la España medieval*. Madrid, 2010; Urresti M.F. *La España expulsada. La herencia de al-Andalus y Sefarad*. Madrid, 2011; Carrasco Manchado A.I. *De la convivencia a la exclusión. Imágenes legislativas de mudéjares y moriscos. Siglos XIII–XVII*. Madrid, 2012.

³ Capilla Calvo S. *Las primeras mezquitas de al-Andalus a través de las fuentes árabes (92/711–170/785)* // Al-Quantara. 2007. Vol. XXVIII. № 1. P. 148–159.

⁴ Ribera J. *Historia de la conquista de España de Abenalcotía el Cordobés*. Madrid, 1926. P. 11.

и Руфине, сестрам, претерпевшим мученичество в Севилье в конце III в., почитавшимся как небесные покровительницы города. Археологических данных, которые могли бы быть соотнесены с этой церковью, также нет. В настоящее время некоторые исследователи придерживаются мнения, что речь здесь может идти не о церкви, а о монастыре. Однако серьезных оснований для расширительного толкования слова *kanīsa* (араб. церковь), употребляемого в арабском тексте, не приводится, поэтому очень трудно оценить достоверность гипотезы, согласно которой резиденция наместника располагалась в одном из монастырских зданий, необязательно в церкви, а мечеть — в другом, и возможно, как раз в церкви⁵. Это самое раннее событие из истории Аль-Андалуса, в рассказе о котором есть сведения о судьбе церковного здания. Заметим, что профанация священного для христиан пространства, превращение его в резиденцию мусульманского правителя специально никак не комментируется. И также примечательно, что мечеть обустраивается отдельно — скорее всего, если исходить из буквальной формулировки в источнике, строится на пустом месте. Это вполне согласуется с информацией о первых андалусийских мечетях, о которых упоминалось выше.

Следующий по хронологии эпизод является центральным для современных представлений о судьбе церковных сооружений после мусульманского завоевания. Речь идет о строительстве Большой мечети Кордовы. В последние несколько лет дискуссии относительно истории этого здания обрели новую актуальность. Специалисты по истории Аль-Андалуса произвели своего рода ревизию текстов письменных источников о периоде VIII–IX вв., причем не столько с целью поиска неизвестных фактов и расширения набора цитат по заданной теме, сколько стремясь упорядочить их хронологически. Они сделали акцент прежде всего на существовании временного разрыва между событиями и их позднейшим описанием, а также на изменениях в самой традиции передачи информации. Кроме того, археологи, в первую очередь специалисты по позднеантичному и раннесредневековому периоду, обратили внимание на то, что изобилие трактовок ранней истории Большой мечети намного превосходит количество имеющихся на сегодняшний день археологических данных для обоснования существующих гипотез⁶. Рассказ, в кото-

⁵ *Capilla Calvo S.* Op. cit. P. 161.

⁶ *Arce-Sainz F.* La supuesta basilica de San Vicente en Córdoba: de mito histórico a obstinación historiográfica // *Al-Quantara*. Vol. XXXVI. № 1. 2015. P. 11–44.

ром говорится о совместном использовании для богослужения и молитвы здания большой церкви мусульманами и христианами, впервые появляется в сочинении XIII в., принадлежащем перу историка Ибн Идари, уроженца Магриба.

Когда мусульмане завоевали Аль-Андалус, они поступали так же, как Аби Убайда и Халид ибн аль-Валид по повелению Умара ибн аль-Хаттаба, и делили с христианами церкви в соответствии с условиями капитуляции, как это происходило в Дамаске и не только. Там мусульмане делили с христианами большую церковь в Кордове, которая располагалась внутри городских стен. Мусульмане построили на своей половине Большую мечеть, а другая половина осталась для христиан. Остальные же церкви были разрушены. Когда Абд ар-Рахман Ибн Муавия прибыл в Аль-Андалус и обосновался в Кордове, он решил расширить мечеть и украсить ее. Он призвал кордовских христиан и попросил продать их половину (здания — *Г. П.*), а в обмен на подписание нового договора обещал позволить восстановить церкви, разрушенные во время завоевания. Христиане оставили свою церковь, и она была присоединена к мечети⁷.

В более ранних текстах подобные сведения отсутствуют. Самое первое свидетельство о том, что в VIII в. на месте Большой мечети в Кордове находилась церковь, относится к X в.: в анонимной хронике *Ajbar mağmū'a* (Собрание известий) сообщается, что в 748 г. в этой церкви были казнены мятежники⁸. В этой же хронике говорится, что в 756 г. в минарете, находившемся в алькасар, были осаждены противники Абд-ар-Рахмана I. А в XI в. историк Ибн Хайан записал в своей «Книге описания истории Аль-Андалуса», что Абд-ар-Рахман I построил Большую мечеть на фундаменте той, что была основана завоевателями Аль-Андалуса⁹. На основании этих сведений было сделано два принципиальных вывода: во-первых, во всех упомянутых рассказах речь идет об одном и том же месте. Во-вторых, в VIII в. там располагались либо две церкви (одна из них — св. Винсента), либо монастырь св. Винсента, часть зданий которого отошла мусульманам, часть — осталась христианам, и как раз эти здания имеются в виду в рассказе Ибн Идари об основании Большой мечети. Наиболее последовательно такую

⁷ *Ibn 'Idārī Kitāb al-bayān al-mugrib fī ajbār mulūk al-Andalus wa-l-Magrib* / ed. Colin, Lévi-Provençal E. Paris, 1930. Vol. II. P. 244–245.

⁸ *Ajbār Mağmū'a* / ed. Lafuente y Alcántara E. Madrid, 1867. P. 61.

⁹ *Ibn Hayyān. Kitāb al-muqtābis fī-tārīj richāl al-Andalus* / ed. Martínez Atuña M. P., 1937. Vol. II.

концепцию развивал еще в 40-е гг. прошлого века М. Оканья¹⁰, и именно она лежит в основе большинства современных изложений истории Большой мечети, ориентированных на самую широкую аудиторию. А тем временем среди специалистов, занимающихся данным периодом, — историков и археологов — эта концепция не только не получила единодушного признания, но в настоящее время практически никем не рассматривается как достоверная. Точно установлено, что на месте Большой мечети существовали три постройки, отличавшиеся и техникой строительства, и пространственным расположением (все три были по-разному ориентированы относительно сторон света). Оставляя в стороне детальное изложение историко-археологической дискуссии об архитектурной предыстории Большой мечети, приведем здесь только вывод, который в настоящее время представляется наиболее взвешенным:

Археологические данные свидетельствуют, что на месте Большой мечети находилось несколько комплексов, которые было необходимо разрушить, чтобы подготовить пространство для строительства. Насколько сейчас известно, ни одно из разрушенных зданий не использовалось для отправления культа (ни христианского, ни мусульманского), и поэтому невозможно установить, кому принадлежал этот застроенный участок — христианам или мусульманам — в момент начала сооружения мечети¹¹.

Таким образом, большую часть информации письменных источников (исключая время начала строительства Большой мечети) следует рассматривать прежде всего в контексте развития собственно историографической традиции, связанной с описанием деяний местной династии, и с учетом политической конъюнктуры тех периодов, когда создавались упомянутые тексты¹². Исходя из такого подхода, рассказ Ибн Идари о совместном использовании здания церкви мусульманами и христианами невозможно использовать как достоверное описание ситуации первой пол.

¹⁰ *Ocaña M.* La basilica San Vicente y la gran mezquita de Córdoba. Nuevo examen de textos // *Al-Andalus*. 1942. Vol. 7. № 2. P. 347–366.

¹¹ *Arce-Sainz F.* Op. cit. P. 41.

¹² Важные наблюдения над соотношением разных традиций в рассказах о раннем периоде истории Аль-Андалуса, включая первые деяния Омейядов, были сделаны в трудах Э. Мансано Морено: *Manzano Moreno E.* Las fuentes árabes sobre la conquista de al-Andalus: una nueva interpretación // 1999. № 202. P. 389–432; *Idem.* Conquistadores, emires y califas. Los Omeyyas y la formación de al-Andalus. Barcelona, 2006.

VIII в. — он не подтверждается ни археологией, ни сведениями из текстов, хронологически и географически более близких к интересующим нас фактам.

Противоречивость и скудость письменной традиции, а также археологические данные заставляют предположить, что если здания некоторых церквей и превращались в мечети, то это были единичные примеры, не осмыслявшиеся как принципиально важные и не зафиксированные в письменных источниках, доступных знатокам истории Аль-Андалуса. Возможно, это не в последнюю очередь связано с тем, что уже со второй половины VIII в. в Аль-Андалусе утверждается маликизм как ведущая правовая школа. Ее основатель, Малик бен Анас, одним из первых ученых-правоведов высказал свое отрицательное отношение к тому, чтобы мусульмане могли совершать молитву в церквях¹³. А самые ранние сведения о событиях в Аль-Андалусе первой половины VIII в. происходят именно из сочинений правоведов, последователей Малика бен Анаса, Ибн 'Абд аль-Хакама и 'Абд аль-Малика бен Хабиба. Впоследствии эти сведения были использованы в первых трудах андалусийских историков — Ахмада аль-Рази и Исы ибн Ахмада аль-Рази¹⁴. Интересно, что рассказывая о строительстве Большой мечети в Кордове, упомянутые выше историки Ибн Хайан (XI в.) и Ибн Идари (XIII в.) ссылаются именно на их сочинения, но, как мы видели выше, сообщают при этом совершенно разные сведения. Поскольку труды отца и сына аль-Рази известны лишь по многочисленным ссылкам на них в других сочинениях, то объяснить такое противоречие трудно. Однако, учитывая, что «История королей Аль-Андалуса и Магриба» Ибн Идари относится к более позднему периоду и возникла в русле уже иной историографической традиции, где события в Аль-Андалусе рассматриваются как часть истории Магриба, вполне возможно, что ссылка на аль-Рази в его рассказе о Большой мечети Кордовы, как и сам рассказ, менее достоверны, чем версия Ибн Хайана.

Археологические свидетельства трансформации христианского храма в мечеть были обнаружены только при изучении одного памятника — позднеримского мавзолея в Лас Вегас де Пуэблануэва (провинция Толедо): он был построен в IV в., затем был превращен в

¹³ Подробнее об отношении к церкви как месту молитвы в раннем исламе см.: *Bashear S. Studies in Early Islamic Tradition. Jerusalem, 2004. P. 267–282.*

¹⁴ *Manzano Moreno E. Conquistadores, emires y califas. P. 36–42.*

христианский храм, а позже в мечеть¹⁵. По мнению исследователей, о последнем преобразовании говорит появление ниши, значительно более поздней, чем остальные строительные конструкции. Считается, что это был михраб — ниша, устраивавшаяся в стене мечети, ориентированной на Мекку, места молитвы имама. Скорее всего эта перестройка произошла спустя много времени после мусульманского завоевания, но точную дату по археологическим данным установить не удается.

Известны примеры использования мусульманами христианских построек после того, как они были заброшены. Здания монастыря в Мельке, включая церковь, стали прибежищем для мусульман, которые селились здесь после ухода монахов¹⁶. В Мериде, после того как храм св. Евлалии пришел в запустение, отдельные элементы его декора были использованы в постройках мусульманской крепости¹⁷. Как и в случае с мавзолеем в Лас Вегас де Пуэблануэва, судить о хронологии этих изменений можно лишь гипотетически.

Таким образом, все известные нам сведения о судьбе церковных зданий после мусульманского завоевания Пиренейского полуострова свидетельствуют о том, что обустройство мечети в здании церкви или на его месте не было массовым явлением. Случаи совпадения в пространственной локализации мечети и церкви не получают какого-либо особого символического осмысления в мусульманских письменных источниках, относительно близких по времени возникновения к таким событиям.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВТОРАЯ: ИЗ МЕЧЕТИ В ЦЕРКОВЬ

По мере включения мусульманских земель в состав христианских королевств в ходе Реконкисты возникают и множатся примеры превращения мечетей в церкви. Первая сравнительно подробно изложенная в письменных источниках история преобразования

¹⁵ *Hauschild Th.* Das Mausoleum von La Vegas de Pueblanueva (Prov. Toledo) // *Madrider Mitteilungen*. Bd. 19. 1978. P. 307–378.

¹⁶ *Caballero Zoreda L.* El conjunto monástico de Santa María del Melque (Toledo): siglos VIII–IX // *Monjes y monasterios hispanos en la Alta Edad Media*. Madrid, 2006. P. 99–146.

¹⁷ *Valdés Fernández F.* Arqueología islámica de Extremadura: los primeros cuatrocientos años // *Extremadura arqueológica*. 1995. № 4. P. 265–296; *Mateos Cruz P., Caballero Zoreda L.* Hallazgos arqueológicos en la iglesia de Santa Eulalia de Mérida // *Arqueología, paleontología y etnografía*. 1998. № 4. P. 337–366.

мечети в христианский храм имела место в конце 80-х гг. XI в. в Толедо, незадолго до того отвоеванном у мусульман. Андалусийский поэт и историк Ибн Бассам, современник описываемых событий, сообщает, что Альфонсо VI обещал оставить Большую мечеть мусульманам Толедо, однако слова своего не сдержал и, несмотря на противодействие одного из своих советников — графа Сиснан-до Давидеса, в июне 1085 г. (въезд короля в Толедо состоялся в мае того же года) приказал отобрать у мусульман Большую мечеть и превратить ее в собор. Ибн Бассам передает услышанный им рассказ об обстоятельствах этого события:

В мечети никого не было, кроме шейха и наставника аль-Магāми. Взбесившиеся демоны и приспешники короля окружили его. Рядом с ним был один из учеников, который читал. Когда христиане сказали: «Заканчивай сейчас же!» — учитель сделал знак, чтобы тот продолжал. Затем шейх поднялся, не выказывая ни поспешности, ни страха, совершил положенные ритуалы, возрыдал и лил слезы довольно долго, а христиане стояли и смотрели на него с почтением — никто не решился коснуться его или грубо прервать¹⁸.

О том, что происходило далее с бывшей мечетью Толедо, Ибн Бассам не пишет, однако он рассказывает, как некоторые приближённые Альфонсо VI убеждали его, что после этих событий королю следует короноваться и носить облачение на манер одеяний вестготских правителей — «одеяний христиан, которые владели полуостровом до прихода мусульман»¹⁹. На что король будто бы ответил, что не сделает этого до тех пор, пока не возьмет Кордову, а для подтверждения серьезности своих намерений приказал отлить колокол для знаменитой Большой мечети. Если рассматривать этот рассказ в контексте нашей темы, то можно заметить, насколько тесно сюжет преобразования мечети в церковь связан с темой отвоевания земель. Акт трансформации сакрального пространства приобретает в глазах современников символический смысл установления полной власти над территорией (или утраты ее), победы над иноверцами (или поражения от них — с точки зрения мусульманина), причем есть основание предположить, что именно так его воспринимали и мусульмане, и христиане. Об этом свидетельствует текст королевской гра-

¹⁸ Цит. по: *García Gomes E., Menéndez Pidal R.* El conde mozárabe Sisnando Davidez y la política de Alfonso VI con las taifas // *Al-Andalus*. Vol. XII. № 1. 1947. P. 32–33.

¹⁹ *Ibid.* P. 33.

моты, составленной в канцелярии Альфонсо VI в связи с освящением Толедского храма и для оформления королевского дарения собору. Та грамота, которая дошла до нас и хранится в настоящее время в Архиве собора Толедо, хотя и не может с полным основанием именоваться оригиналом, все же скорее всего была составлена в период между 1086 и 1099 гг., *post factum*, а не в момент самого события, которое в ней фиксируется²⁰. *Expositio* документа содержит довольно пространное изложение фактов, связанных с освящением собора. Говорится о том, что город в течение 376 лет находился под властью мусульман, которые «сообща хулили имя Христово», устраивали гонения против христиан и «взывали к имени проклятого Мухаммада»²¹. Альфонсо VI с Божьей помощью смог завоевать и вернуть Толедо христианам. И после такой победы король решил восстановить храм Девы Марии и архиепископскую кафедру в городе. Вновь избранный архиепископ Бернард²² освятил собор, и «там, где прежде было обиталище демонов, теперь пребудет святилище небесных добродетелей»²³. Всё имущество, которое принадлежало мечети, по воле короля перешло к собору. Передача всего имущества мечети (т. н. *вакфа*) под власть церкви было подтверждено в документе 1089 г. Собор получил право распоряжаться имуществом мечетей в городах и крепостях всего королевства Толедо. Вот текст королевской грамоты:

...дарую и передаю упомянутому собору из владений толедского королевства во всех городах, замках и поселениях, расположенных к

²⁰ Archivo capitular de Toledo, Pergaminos, O.2.N.1.1. Цит. по: *Gambra A. Alfonso VI. Cancillería, curia e imperio. Colección diplomática. León, 1998. Vol. II. Doc. 86. P. 224–229.* В архиве хранится два экземпляра этой грамоты, составленных в конце XI в. Они различаются составом свидетелей, и считается, что одна из них изготовлена на несколько лет раньше другой. Подробнее о подлинности этих грамот см. ниже.

²¹ «Que civitas abscondito Dei iudicio CCCLXXVI annis possessa fuit a mauris, Christi nomen comuniter blasphemantibus; quod ego intelligens esse opprobrium ut, despecto nomine Cristi abiectique christianis atque quibusdam eorum gladio seu fame diversisque tormentis mactatis, in loco ubi sancti nostri patres Deum fidei intencione adoraberunt meledicti Mahometh nomen invocaretur» (*Gambra A. Alfonso VI. Cancillería. P. 227*).

²² Бернард де Седирак (?–1128), монах из клюнийского монастыря в Оше (Аух), прибыл в Кастилию вместе с другими клюнийскими монахами для проведения церковной реформы. В 1081 г. стал аббатом монастыря Саагун, а с 1086 г. занял Толедскую кафедру.

²³ «Ut sicut actenus fuit abitacio demonum permaneat sacrarium celestium» virtutum (*Gambra A. Alfonso VI. Cancillería... Vol. II. Doc. 86. P. 227*).

югу от перевалов Балатомет, по одной церкви, которые мавры именуют большими мечетями и где в каждый шестой день имели обыкновение собираться для молитвы, со всеми старыми владениями, с землей и виноградниками, и садами, мельницами, лугами и пастбищами, со всем, что будет у них найдено, и о чем станет доподлинно известно²⁴.

Весьма примечательно выражение «ecclesias quos mauri appellant meschitas maiores» («церкви, которые мавры именуют большими мечетями»). Здесь может подразумеваться как то, что все здания важнейших мечетей уже были обращены в церкви, так и то, что это были изначально церкви, которые потом стали использоваться мусульманами как мечети, а теперь они должны быть восстановлены как центры христианского культа. Именно так представлена в документе история Большой мечети Толедо: «*Базилика Девы Марии, Богоматери, где с древности находилась архиепископская кафедра в Толедо и которая была разрушена варварами и язычниками, ныне же с Божьей помощью восстановлена и отстроена*»²⁵.

Если от документальных источников обратиться к христианским историческим сочинениям, то и здесь события в Толедо после отвоевания города не обойдены вниманием, однако первые сведения о них появляются только в тексте начала XIII в., и разница в изложении фактов с более ранними источниками весьма существенная. Архиепископ Толедо Хименес де Рада рассказал историю преобразования мечети в собор совсем иначе, нежели Ибн Бассам. В своем знаменитом труде «*De rebus Hispanie*» он сообщает, что после выборов архиепископа Альфонсо VI покинул Толедо и отправился в земли королевства Леон, в городе остались королева Констанция и архиепископ. Бернард, побуждаемый королевой, с отрядом воинов вторгся ночью в Большую мечеть и «*уничтожив*

²⁴ «*Dono et offero ad ipsum atrium sanctum ium meminitum, per singulas civitates et castra et villas que sunt infra illos portos de Balatomet, de honore et regno huius civitatis Toleti, singulas ecclesias, quos mauri appellant meschitas maiores, ubi semper sexta feri soliti errant congregari in unum ad orationem, cum suis hereditatibus antiquis, cum terriis et vineis et ortis et molendinis et pratis et pascuis, et quicquid invenire potuerint et perquirere veraciter*» — Archivo capitular de Toledo, ms. 42–20, Liber Privilegiorum, ff. 4v–6r. (*Gambra A.* Alfonso VI. Cancillería... Vol. II. Doc. 101, p. 264–266.)

²⁵ «*Marie perpetue virginis ac genetricis Christi quorum basilica sita est ex antiquis temporibus sedis archiepiscopalis in locum predictum urbis Toletane, que destructa fuit a barbaris et paganis, nunc autem auxiliante Deo constructa est et restaurata*» (Ibid. P. 265).

магометанову скверну, воздвиг алтарь веры христовой, а на высокую башню повесил колокола для призыва верующих»²⁶.

Рассказы в сочинениях Ибн Бассама и Хименеса де Рады, а также грамоты дарений составляют корпус письменных свидетельств о преобразовании мечети в собор, наиболее близких по времени создания к этому событию. От объяснения расхождений в их сведениях во многом зависит наша оценка описываемых событий²⁷. Если оставить в стороне проблему ответственности за решение о преобразовании мечети, нарушавшее договоренности с мусульманской общиной²⁸, то вторым важным дискуссионным вопросом является дата освящения собора. В королевской грамоте 1086 г. это событие датируется 18 декабря того же года, а Хименес де Рада пишет о том, что церемония освящения состоялась 25 октября, не уточняя, в каком году. Именно последняя дата отмечается в Толедо как памятная в истории собора. Существует две гипотезы, объясняющих такое расхождение. Первая из них принадлежит известному историку церкви, архивариусу собора Х. Ф. Ривера Ресьо, который полагал, что 18 декабря 1086 г. была произведена церемония очищения и восстановления христианского культа в здании, а также его освящение. Значительно позже — по его мнению, 25 октября 1097 г., когда положение церкви в Толедо уже укрепилось и вырос авторитет архиепископа Бернарда, привозившего из своих многочисленных поездок во Францию и в Рим священные реликвии для собора Толедо, было осуществлено повторное освящение храма, в котором, как полагает исследователь, к тому времени появились новые алтари и часовни. А Хименес де Рада, рассказывая о действиях Бернарда по восстановлению культа и об освящении собора 25 октября как о событиях, близких по времени и связанных с визитом архиепископа Бернарда в Рим, допускает

²⁶ «Eliminata spurcicia Machometi erexit altaria fidei Christiane et in maiore turri campanas ad convocationem fidelium collocavit» (*Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispanie sive Historia Gothica*. Turnholt, 1987 / ed. J. Fernández Valverde (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis. Vol. LXXII). Lib. VI. Cap. XXIV. P. 206.

²⁷ См.: *García Gomes E., Menéndez Pidal R. El conde mozárabe Sisnando Davidez...*; Reilly B. F. *The Kingdom of Leon-Castilla under King Alfonso VI (1065–1109)*. Princeton, 1988. P. 181–184, 206–209.

²⁸ Ибн Бассам считал, что решение принимал Альфонсо VI, а Хименес де Рада пишет о действиях королевы и архиепископа, осуществленных без ведома короля.

неточность²⁹. По мнению Ривера Ресьо, новое освящение, произошедшее после утверждения папой Урбаном II избрания Толедского архиепископа, могло происходить только в воскресенье, а 25 октября совпадало с этим днем недели дважды за время понтификата Урбана II — в 1092 и 1097 гг. Выбор второй даты в качестве более вероятной связан с тем, что на это же время приходится самый успешный период в деятельности Бернарда. Именно повторное освящение собора вошло в местный церковный календарь как памятная дата³⁰.

Второе объяснение предложено американским исследователем Б. Рейли. Он впервые подверг сомнению достоверность сведений грамоты дарения собору 1086 г.: трое из указанных в списках свидетелей епископов не занимали своих кафедр в это время. Собственно, Б. Рейли не утверждает, что мы имеем дело с подделкой — скорее речь идет о более позднем, не совпадающем с указанной датой, изготовлении самой грамоты. Такого же мнения придерживается исследователь канцелярии Альфонсо VI и публикатор всех известных грамот этого короля А. Гамбра³¹. Поскольку грамота не является в полном смысле слова оригиналом, то вполне возможно, что и указанная в ней дата освящения собора также неточна: составители указали ту, которая соотносилась с периодом пребывания короля в Толедо. Б. Рейли считает, что избрание архиепископа произошло в начале 1086 г., возможно, на собрании королевской курии в Леоне. События, связанные с преобразованием мечети в собор и его освящением, вполне могли происходить в октябре. В это время Альфонсо VI находился в Толедо и готовился выступить с армией против Юсуфа бен Ташфина, вторгшегося на Пиренейский полуостров. Ситуация в городе вполне позволяла осуществить подобные действия: большое число мусульман к этому времени выехало из Толедо, в то же время там находились значительные военные силы христиан. Кроме того, превращение мечети в христианскую церковь именно в тот момент должно было укрепить дух войска перед предстоящим сражением³². Однако если служба освящения собора имела место 25 октября, то это проис-

²⁹ *Rivera Recio J. F.* La Iglesia de Toledo en el siglo XII (1086–1208). Roma, 1976. P. 14–15.

³⁰ *Ibid.* P. 15.

³¹ *Reilly B. F.* *Op. cit.* P. 181–184; *Gambra A.* Alfonso VI. Cancillería, curia e imperio. Estudio. León, 1997. Vol. I. P. 430.

³² *Reilly B. F.* *Op. cit.* P. 182–183.

ходило в отсутствие короля и войска, поскольку за два дня до этого, 23 октября, христиане потерпели сокрушительное поражение в битве при Саграхасе, неподалеку от Бадахоса.

Изложенные выше гипотезы расходятся в одном существенном моменте: Х. Ф. Ривера Ресьо допускает возможность двух церемоний освящения собора, одна из которых закрепилась в традиции, а другая известна нам лишь благодаря относительно неплохой сохранности архива собора. Б. Рейли, не подвергая сомнению аутентичность документа, склонен считать, что церемония освящения была единственной и происходила в октябре, что и отражено в местном церковном календаре.

Скорее всего, следует согласиться с Х. Ф. Ривера Ресьо, что было две церемонии освящения собора, но при этом необходимость во второй из них возникла именно благодаря тем особым обстоятельствам, о которых пишет Хименес де Рада, чей рассказ исследователь тем не менее ставит под сомнение.

Рассказав о преобразовании мечети в собор, толедский архиепископ обращается к истории смены литургии в Толедо. Суть реформы богослужения, начатой Альфонсо VI, состояла в замене местной испанской литургии (иначе именуемой Исидоровой, или мосарабской) на римскую. Литургическая реформа стала в испанских христианских королевствах одной из центральных составляющих общецерковных преобразований второй половины XI в. Хименес де Рада пишет, что избранный архиепископ Толедо Бернард не соглашался с действиями папского легата Рикарда, присланного Григорием VII по просьбе Альфонсо VI для проведения реформы, и поэтому летом 1088 г. отправился в Рим, где изложил свою позицию Урбану II, незадолго до того ставшему папой. Урбан II поддержал Бернарда, а также утвердил его избрание на толедский престол³³. Вернувшись в Испанию, Бернард *«в назначенный день, в день поминовения святых Кристина и Кристиниана, восьмой день ноябрьских календ (25 октября — Г. П.), собрав епископов, освятил церковь Толедо во имя Девы Марии и апостолов Петра и Павла, и Святого Креста и первомученика Стефана, и возложил на главный алтарь многие ценные реликвии, которые привез от святого престола и которые отдали король и королева из своей сокровищницы»*³⁴.

³³ Archivo capitular de Toledo, Pergaminos, X.7.A.3.4d.

³⁴ «Statuto die in festo, scilicet, sanctorum Crispini et Crispiniani, VIII kalendas Novembris, in honore beate Marie semper Virginis et beatorum apostolorum Petri

А далее следует рассказ об обстоятельствах утверждения королевского решения о смене литургии и отзыве легата Рикарда, обязанности которого стал исполнять Бернард.

В текстах нет сведений о том, какую именно литургию служили при первом и втором освящении собора, однако расхождение в датах весьма показательно: 18 декабря, та дата, которая указана в королевском дарении, — очень важный праздник в вестготском церковном календаре — день обретения (или иначе — возложения) казулы св. Ильдефонсо, который получил ее в дар от Девы Марии. Произошло это чудо в Толедо. Учитывая, что сама грамота составлялась уже после свершения описываемых в ней освящения собора и королевского дарения, составители должны были выбрать ту дату, которая на тот момент обладала наибольшей символической значимостью и одновременно совпадала со временем пребывания короля в Толедо. И вполне логично предполагать, что первое освящение происходило в соответствии с каноном мосарабского богослужения. Чтобы способствовать продвижению реформы и разорвать связи с местной традицией, новый архиепископ (напомним, выходец из Ключни, один из немногих в испанских землях знатоков новой литургии), видимо, счел необходимым, уже получив папскую санкцию и святые реликвии, освятить собор еще раз — все эти обстоятельства и отразились в выборе даты в королевской грамоте. Что касается вопроса о том, в каком году произошло второе освящение собора, то аргумент Х. Ф. Ривера Ресьо, основанный на том, что это событие должно было происходить обязательно в воскресенье, не может считаться решающим. День первого освящения не был воскресным. Или, если сказать иначе, составители грамоты сочли возможным указать для этого события не воскресный день, но тот, который был важен с точки зрения местной традиции.

Изменилась не только дата, но и формула описания посвящения храма. В грамоте речь идет о посвящении собора «в честь Марии Богоматери, св. Петра, первого среди апостолов, и первомученика Стефана и всех святых», а Хименес де Рада пишет о том, что Бернард «освятил церковь Толедо во имя Девы Марии и апостолов

et Pauli et sancte Crucis et beati Stephani prothomartiris, Toletanam ecclesiam convocatis episcopis dedicavit et in maiori altari multas et preciosas reliquias, quas a sede apostolica atulerat et quas rex et regina de suis et patrum suorum thesauris optulerant, collocavit» (Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispanie...» Lib. VI. Cap. XXV. P. 207–208).

Петра и Павла, и Святого Креста и первомученика Стефана». Это расхождение пока не получило своего истолкования, поскольку до сих пор историков больше всего волновал вопрос датировки преобразования мечети в собор и его освящения.

В целом же эта тема почти не рассматривалась с точки зрения истории литургии. На сегодняшний день существует лишь одна статья, где эта проблема находится в центре исследования. Ее автор, М. Л. Буэно Санчес, указывает, что никаких специальных ритуалов, тем более особого чина богослужения для освящения бывших мечетей в испанских королевствах, не появилось. В таких случаях служили чин освящения храма, существовавший как в мосарабском богослужении, так и во вновь вводимом римском. Некоторые изменения в этот чин римского обряда были внесены в понтификат Григория VII и Урбана II³⁵. Основные отличия богослужбных чинов состояли в следующем: в мосарабском обряде, в отличие от римского, на кресте, который изображали на полу храма, высыпая пепел, не требовалось писать буквы латинского и греческого алфавита, а священные реликвии для возложения на алтарь вносили после его освящения.

От XII в. и первых десятилетий XIII в. почти не сохранилось литургических текстов, связанных своей историей с землями Леона-Кастильского королевства³⁶. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что в XII — нач. XIII в. все службы освящения в бывших мечетях производились в соответствии с новым римским обрядом, однако при освящении соборов следовали именно ему. Впрочем, ни документальные, ни нарративные источники этого нюанса напрямую не касаются. Очередной рассказ об освящении собора на месте мечети появляется в сочинении Хименеса де Рада в главах, посвященных завоеванию Кордовы³⁷. Таким образом, мы

³⁵ *Bueno Sánchez M.L.* «Fuga demonium, angeli pacis ingressus». El ritual litúrgico romano-galicano en el proceso de transformación de espacio sacro: de la mezquita a la iglesia (XI–XIII) // *Simposium sobre la catedral de Sevilla en el contexto del Gótico final*. Sevilla, 2007. P. 261–280. Подробнее об изменениях в римском обряде этого времени см.: *Le pontifical Romain au Moyen âge* / ed. Andrieu M. T. I: *Le pontifical romain du XII siècle*. Città del Vaticano, 1938.

³⁶ Santiago, St. Denis and St. Peter: the Reception of the Roman Liturgy in León-Castile in 1080. New York, 1985.

³⁷ «Et tunc venerabilis Ioannes Oxomensis episcopus, regalis aulae cancellarius cum Gundisalvo Conchensi, Dominico Beatiensi, Adamo Placentinensi, Sancio Cauriensi, episcopis, mezquitam ingressus est Cordubensem, quae cunctas

располагаем двумя описаниями освящения бывших мечетей в одном и том же нарративном тексте христианского происхождения, где этим эпизодам уделяется большое внимание. Другие исторические сочинения XII–XIII вв. либо не упоминают такие факты, либо их авторы заимствуют сведения из «De rebus Hispanie» Хименеса де Рады³⁸. Рассказывая об этих событиях, Хименес де Рада лишь перечисляет некоторые части ритуала, не рассматривая его детально. Эти описания можно соотнести с чином освящения храма. Он начинался с очистительного ритуала, изгоняющего демонов, после которого можно было входить внутрь здания и воздвигать алтарь. В рассказах об освящении и толедского, и кордовского соборов ритуал осмысляется как «уничтожение Магометановой скверны» (*spurcicia Machometi*). В случае с кордовской мечетью как элемент ритуала упоминается еще и окропление водой — «*aqua lustrationis perfusa*», что вполне соответствует чину³⁹. После этого, согласно обоим рассказам, следовало воздвижение алтаря. Затем должно было происходить возложение священных реликвий на алтарь, но об этом в описании преобразования мечетей в храмы не говорится. Напротив, в повествовании о втором освящении толедского собора о внесении реликвий в храм упоминается особо. Заключительным действием освящения храма была месса. Она упоминается у Хименеса де Рады только в связи с освящением кордовского собора. Безусловно, отсутствие упоминания о мессе при освящении собора в Толедо не может считаться свидетельством того, что ее не служили.

Исходя из имеющихся у нас сведений о религиозных ритуалах, проводившихся при преобразовании мечети в церковь, можно заключить, что никакого особого литургического осмысления тема трансформации сакрального пространства не получила:

mezquitas Arabum ornatu et magnitudine superabat. Et quia venerabilis Joannes Roderici, Toletani primatis, vices gerebat, qui tunc temporis apud Sedem Apostolicam morabatur, eliminata spurcicia Machometi, et aqua lustrationis, perfusa, in ecclesiam commutavit et in honore beate Virginis erexit altare et missam sollempniter celebrauit» (Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispanie... Lib. VIII. Cap. XVII. P. 299).

³⁸ Так, эти сведения Хименеса де Рады использованы в «*Estoria de España*» — историческом сочинении, составлявшемся при дворе Альфонсо X Мудрого в 70–80-е гг. XIII в.

³⁹ В данном случае речь, скорее всего, идет о т. н. «григорьевой воде» — специально готовившейся перед освящением собора смеси освященной воды, соли, пепла и вина.

помещения, где мусульмане возносили молитвы Аллаху, воспринимались как обиталище демонов, и могли быть очищены точно так же, как и все прочие, где собирались воздвигнуть алтарь и служить мессу. В теологических трактатах XII–XIII вв. эта тема не затрагивается.

Принято считать, что реорганизация пространства мечети была первоначально не очень масштабной и имела в первую очередь символический, а не прагматический смысл. Михраб закрывали или разрушали, а алтарь размещали у стены, расположенной под углом 90 градусов по отношению к той, где находилась ниша михраба⁴⁰. Ни одного описания этой процедуры у нас нет, поэтому судить о том, как именно трактовались такие перемены современниками или ближайшими потомками, мы не можем. Существует всего одно косвенное свидетельство о том, что перестроенное здание храма довольно долго воспринималось как бывшая мечеть. Хименес де Рада так описывает закладку первого камня в основание нового здания собора на месте мечети в 1226 г.: *«И тогда король и архиепископ Родриго положили первый камень в основание толедского храма, который со времен арабов и до сего дня сохранял форму мечети»*⁴¹.

Факт изменения ориентации здания по сторонам света наиболее наглядно демонстрируют археологические данные. В большинстве тех случаев, когда в результате раскопок удается частично реконструировать здание мечети, находившееся на месте церкви, обнаруживается, что михраб располагался в стене, перпендикулярной центральной оси храма. Важно, что в результате такой трансформации далеко не всегда складывалась каноническая ориентация христианского храма с алтарной частью на востоке. Дело в том, что расположение киблы в мечетях Пиренейского полуострова основателями мечети определялось несколько иначе, чем в других регионах мусульманского мира,

⁴⁰ Echevarría A. La transformación del espacio islámico (XI–XIII) // Annexes des Cahiers de linguistique et de civilisation hispanique médiévales. 2003. Vol. 15. P. 53–77.

⁴¹ «Et tunc iecerunt primum lapidem rex et archiepiscopus Rodericus in fundamento ecclesie Toletane que in forma mesquite a tempore Arabum adhuc stabat, cuius fabrica opera mirabili de die in diem non sine grandi admiratione hominum exaltatur» (Roderici Ximenii de Rada. Historia de rebus Hispanie... Lib. IX. Cap. XIII. P. 294).

где в основе лежал точный расчет направления в сторону Мекки⁴². В частности, в литературе уже давно дискутируется вопрос о причинах «неканонического расположения» михраба в Большой мечети Кордовы — оно отклоняется от верного примерно на 50°, — послужившей образцом для значительного числа построек как на Пиренейском полуострове, так и в Марокко⁴³. Если бы астрономы и праведы Аль-Андалуса точно определили верное направление в сторону Мекки, и мечети строились бы на основе такого верного расчета, то их кибла (а значит, и михраб) была бы ориентирована почти точно на восток, с десятиградусным отклонением к югу, и тогда при преобразовании мечети в церковь, христиане были бы вынуждены либо располагать главный алтарь в той же стене, что и михраб, либо нарушать принятую ориентацию оси храма. В результате того, что андалусийские мечети были ориентированы в юго-восточном квадранте с гораздо более значительным отклонением к югу, чем следовало бы — на 60–90°, переориентация здания при его превращении в церковь приводила к тому, что основная ось направлялась на северо-восток, с тем или иным отклонением к северу, не слишком значительным. Результат этой первоначальной реорганизации пространства воспроизводился, как правило, и после того, как здание мечети-церкви исчезало, а на его месте возводили новое. В тех редких случаях, когда здание бывшей мечети сохранилось до наших дней⁴⁴, мы видим, что все более поздние изменения в структуре здания никогда не определялись стремлением скорректировать основную ось здания, направив ее точнее на восток.

Помимо ритуального очищения и изменения внутренней организации пространства мечети, все остальные преобразования происходили значительно позднее. В зависимости от ситуации это могло быть либо строительство совершенно нового здания, либо перестройка старого, последних примеров значительно меньше, собственно, всего три: Собор-Мечеть Кордовы, мечеть Кристо де ла Лус в Толедо и мечеть Альмонастер ла Реаль неподалеку от Уэльвы. Как правило, от здания мечети заново построенные

⁴² Jiménez A. La Qibla extraviada // Cuadernos de Medinat al-Zahra. Vol. 3. 1991. P. 189–209; Rius M. Orientación de las mezquitas de Toledo // Tulaytula. Revista de la asociación de amigos de Toledo Islámico. 1999. № 4. P. 67–75.

⁴³ Rius M. Op.cit. P. 68–69.

⁴⁴ Jiménez A. La mezquita de Almonaster. Huelva, 1975; Ruiz Taboada A. La Iglesia del Cristo de la Luz, antigua mezquita de Toledo. Toledo, 2014.

церковь или собор получали архитектурное наследие в виде минарета, преобразованного в колокольню⁴⁵. Причем перестройка могла быть довольно значительной, заметно меняющей облик башни, но до основания минареты разрушали, видимо, только тогда, когда они сильно ветшали и не могли быть использованы в качестве основания колокольни.

Итак, можно заключить, что на тех землях Пиренейского полуострова, где ислам и христианство сменяли друг друга в качестве господствующей религии, метаморфозы пространства, предназначенного для богослужения и молитвы, происходили на совершенно разных основаниях. Достоверных свидетельств о непосредственном преобразовании церкви в мечеть у нас нет. Есть основания полагать, что мусульмане, завоеывая и заселяя Пиренейский полуостров, избегали молиться в тех же помещениях, где христиане, и старались обустроить мечеть на другом месте. Скорее всего, это было связано с представлением о ритуальной нечистоте христианских храмов, оформившимся в маликитском мазхабе в запрет молиться мусульманам в церквях. При этом идея о возможности очистить христианское пространство при помощи особых ритуалов в VIII–IX вв. не формулируется. Видимо, со временем, по мере исламизации местного населения, в зданиях некоторых церквей всё же расположились мечети, но скорее всего это происходило после того, как эти церкви покидались христианами и приходили в запустение. Однако поскольку описаний такого рода изменений в письменных источниках нет, мы не знаем, сопровождалась ли она какими-то ритуалами.

Преобразование мечетей в церкви, происходившее с конца XI в. и особенно активно в XII–XIII вв., предстает в источниках совершенно в ином свете, поскольку первостепенное значение придавалась трансформации именно действующей мечети в церковь. Такое превращение описывалось как символ военного триумфа, торжества и восстановления христианской веры и, соответственно, унижения ислама и изгнания мусульман из сакрального пространства. И хотя специального ритуала для таких ситуаций не сложилось, в историческом нарративе устанавливается

⁴⁵ В следующих храмах колокольни представляют собой перестроенные минареты: соборы Севильи (знаменитая Хиральда), Кордовы, Толедо; церкви Кордовы: св. Лаврентия, Сантьяго, св. Николая, церковь рыцарей Ордена иоаннитов.

смысловая связь между обрядом преобразования мечети в церковь и очистительными ритуалами, направленными на изгнание демонов, составлявшими часть обычной службы освящения храма.